

Итак, он очутился во дворце - в Голубом Дворце, средоточии власти, силы, могущества. И красоты! Ибо дворец царя Дасмона, десницы Сата-Прародителя, был полон очарования.

Эта страна давно не знала вражеских вторжений, а на побережье Пенного моря, где стояла метрополия Меот, никогда не высаживались армии чужеземных завоевателей. А потому и столица государства, и сам дворец его властителей, не были обнесены стенами; их не уродовали форты и боевые башни, тяжелые ворота, рвы, насыпи и палисады. Город нежился на склоне горы, под щедрым солнцем, открытый небесам и теплому восточному ветру, налетавшему с жарких плоскогорий заморской Райны; и только милость Сата-Прародителя и сильные руки амазонок хранили его.

Те стены и башни на гребне хребта, который Роман разглядел с утеса в день своего прибытия, не были оборонительными сооружениями. То, что он увидел тогда, являлось фасадом огромного длинного здания из голубого мрамора, обращенного к городу. Это был местный Белый Дом и Кремль в едином качестве; здесь помещались министры со своими ведомствами и военачальники со своими штабами. Дасмон, как и его предшественники, любил, чтобы все нужные люди были под руками; а поскольку он являлся самодержавным правителем - или просвещенным деспотом, что, по мнению Романа, означало одно и то же, - то все устраивалось так, как он желал.

Правительственное здание называлось Пактадионом - или, дословно, Место Власти. Над ним высилось одиннадцать башен - центральная, круглая и самая большая, и десять шестиугольных, поменьше; из города к нему вели одиннадцать широких лестниц, которые заканчивались у проездов, перекрытых коваными фигурными решетками. Левая половина Пактадиона отводилась для ведомств правосудия, Торговли, Науки, Ремесел и Общественного Благосостояния; последнее управляло сосредоточенной в сотнях эстардов по всей стране подневольной рабочей силой. В правой половине были размещены представительства трех армий и двух флотов, охранявших берега Меота с востока и запада и дислоцировавшихся в городах Тиз и Кардот. В центральной части Пактадиона располагался со своими чиновниками Зирипод, первый министр и казначей, уста которого вещали царскую волю всем и каждому; фактически, он правил государством, отвечая за свои действия только перед Дасмоном, десницей Сата.

Одиннадцать широких проходов под длинным корпусом Пактадиона выводили в парк с ровными прямыми дорожками, с круглыми и квадратными бассейнами, с аллеями деревьев пятидесяти пород, с цветущими куртинами, просторными зелеными лужайками и бесчисленными статуями из цветного мрамора, полированного гранита и бронзы. Прогулявшись пару, раз Роман решил, что если где-то в реальностях Измерения Икс и существует рай, то непременно здесь. Этот очаровательный уголок украшали и женщины: в сверкающих доспехах - те, которые стояли на часах; в легких туниках - вкушавшие отдохновение после службы. Молодых женщин было предостаточно, ибо дасмонова охрана насчитывала пять сотен "голубых", а стража принца Тархиона - еще сотню "белых". Роман проходил именно по этому ведомству и чувствовал себя ангелом, который готов пасть при первом же удобном случае. Однако, к его изумлению, за первую неделю он не сорвал ни стебелька, ни листика в сем девичьем цветнике.

С западной стороны парка высилось трехэтажное здание с воздушными башенками-минаретами, с изящными стрельчатыми окнами и сотнями колонн, капители которых изображали древесные кроны, распутившиеся цветы, мощные когтистые звериные лапы или самих зверей, птиц и морских обитателей. Это и был, собственно, Голубой Дворец, воздвигнутый лет пятьсот назад и с той норы заботливо изукрашенный десятками поколений умелых художников. В южном флигеле находились покои юного принца, при котором Роман

имел честь состоять; там же обитали его слуги и досточтимый наставник Лартак. Северная часть была предназначена для гостей и высоких чиновников - вроде сиятельного Зирипода, царских уст; главный корпус занимал царь, десница Сата, властитель Меота. В четверти фарсата от дворца стояло здание казарм царской охраны - с конюшнями, арсеналом и небольшим стадионом, где тренировались воительницы. Роман был там частым гостем, потому что местные леди предпочитали заниматься аэробикой нагими, и на это зрелище стоило посмотреть - особенно, когда они метали копья или ножи.

Из парка, в обход Пактадиона, спускались в город две мощные дороги, по которым можно было проехать на конях или повозках; еще один тракт начинался прямо от казармы и шел на запад, во внутренние районы страны. Существовали тут и горные тропы, по которым, в частности, можно было пробраться к подножию гигантской статуи Сата, царившей над городом и дворцом. Но туда Роман еще не ходил; игрища прелестных амазонок на стадионе, сказочно красивый парк и два огромных, переполненных народом здания привлекали его куда больше.

* * *

Официально он числился в охране принца - беспрецедентная ситуация для страны, где мужчины практически не носили оружия. Ему был выдан полный доспех, включая шитый золотом белоснежный плащ и стальной шлем с белыми перьями, а также великолепный меч, копья - одно длинное и четыре коротких, лук с колчаном, перевязь с метательными ножами, кинжал и небольшая секира. Кроме того, в дворцовой конюшне Романа ждал белый жеребец, а в отведенном ему покое - неподалеку от опочивальни Тархиона - была предусмотрительно приготовлена не только весьма щегольская одежда, но и пара кошельков с серебром. Он был абсолютно свободен и мог бродить по городу и окрестностям в любое время дня и ночи, кроме утренних и вечерних часов, посвященных службе. Утром он тренировал дюжину самых ловких телохранительниц принца, испытывая при этом все муки лисы, забравшейся в курятник со слишком высокими насестами; вечером его ждала беседа с сыном Сата, весьма любознательным юношей.

Откровенно говоря, Роман не понимал, за что ему привалило такое счастье. Конечно, он поразил своими познаниями старого Лартака, а ловкостью и боевым мастерством - юного принца. Но достаточно ли этих причин, чтобы чужеземца забрали в царский дворец прямо из рабского узилища, осыпав никак еще не заслуженными милостями? По тому, как склонялись перед ним дворцовые рабы, как уважительно кивали чиновники - в основном, мужчины, - он чувствовал, идет прямым путем в фавориты. В сем не было бы ничего удивительного, если бы ему удалось соблазнить королеву или стать претендентом на руку местной принцессы; однако ни королев, ни принцесс в Голубом Дворце не водилось. Похоже, царь Дасмон был старым холостяком, а наследника прижил где-то на стороне, чуть ли не мимоходом.

Опасаясь спугнуть удачу, Роман не пытался выяснять у принца и его мудрого наставника причины своего возвышения. К тому же, прямые расспросы представлялись ему слишком грубым подходом к проблеме, совершенно непрофессиональным и малорезультативным. В одно из вечерних собеседований с Тархионом он поинтересовался, всех ли достойных чужестранцев встречают в Меоте с таким щедрым гостеприимством, на что принц, блеснув глазами, ответил, что ум, сила и красота всегда требуют вознаграждения. Роману пришлось удовлетвориться этим; возвратившись же в свой покой, он нашел на прикроватном столике еще пару кошельков с меотской монетой прекрасной чеканки. Он долго разглядывал сонную физиономию Сата-Прародителя на одной стороне блестящего маленького диска и скрещенные мечи - на другой, потом раздраженно отодвинул позванивающую кучку серебра. Пока задача не поддавалась решению.

Была еще одна странность, с которой Роман тоже не мог разобраться. Он уже не раз спускался в город и в какой-то степени представлял частную жизнь его обитателей. Там были огромные казармы-дворцы, в которых размещались шесть трехтысячных корпусов воительниц столичного гарнизона и бесчисленное множество рабов обоего пола, которые обслуживали их. Там были роскошные мастерские мужчин-меотов, которых он, по земной привычке, называл инженерами - в них выполнялись тонкие работы по металлу, создавались проекты зданий и кораблей; не менее роскошные студии художников были заполнены превосходными изваяниями, картинами на шелке, мозаиками, расписной посудой; конторы купцов - тоже, естественно, мужчин - буквально дымились деловой активностью. Роман осмотрел два десятка посольств, райнитское и государств Айталы, с которыми поддерживались постоянные связи; он посетил кабачки, винные погреба, храмы и бани, достойные Древнего Рима, заглянул в портовые таверны и пошатался рядом со столичными эстрадами. Он понял, что среди коренных меотов не было бедноты; каждый, мужчина или женщина, находился при деле и, по-видимому, жил при этом своем деле - в великолепной воинской казарме или в особняке при мастерской, торговом заведении, студии. Но жили они одни.

Конечно, каждого мужчину окружал сонм невольников, невольниц и их отпрысков. И у каждого имелись приятели - Роман не раз натыкался на развеселые компании в кабачках и питейных заведениях. Однако общество оставалось сугубо мужским; более того, раз-другой он ловил довольно странные намеки и плотоядные взгляды, повергавшие его в смущение. И так, где же женщины? Не амазонки, не воительницы с копьями и мечами, не бесстрашные наездницы, а просто женщины, жены и подруги, которым положено ублажать мужчин, вести их дом, растрясать кошелек - и, не в последнюю очередь, рожать детей? Их не было. Впрочем, дети ему тоже не попадались, если не считать ребятишек рабов.

На восьмой день вселения в Голубой Дворец он совершал неспешный променад в парке после утренних занятий, размышляя, как убить время до обеда. Выбор был довольно обширен: очередной визит в город (ему хотелось осмотреть гигантский храм Сата и десятка мелких божков, его клевретов). Конная прогулка по живописным окрестностям, ученая беседа с почтенным Лартаком, посещение стадиона (хотя ему уже надоело попусту облизываться на жаркое). Осмотр богатейших коллекций оружия, картин, статуй, гобеленов, резных ларцов, хрустальных изделий, шкур и чучел, редкостных зверей, которые переполняли длинные галереи по обе стороны тронного зала. Не последним пунктом в этих праздных планах значилась прелестная кареглазая Гралия. Роман подстерегал ее в укромных аллеях и лез вон из кожи, пытаясь продолжить знакомство. Но девушка чаще всего гуляла в обществе Кавассы или других подруг, и у них всегда были с собой мечи. Эта патологическая тяга к оружию смущала Романа, но нарываться на неприятности он не хотел.

Остановившись у мраморной беседки, он бросил взгляд на статуи двух амазонок, что окаймляли вход. Прекрасные нагие тела были отлиты из бронзы, но копья, воздетые к небесам, и щиты оказались настоящими. Эти овальные щиты блестели, как зеркала, отражая нового Ричарда Романа - такого разодетого и ухоженного, каким он не был даже во дворце Лали Мей, повелительницы Середина. Гладко выбритый, с кольцами темных волос, падавших на плечи (раб-парикмахер завивал их целый вечер), благоухающий, как парфюмерная лавка, в белой тунике, расшитой золотыми колосьями по вороту и подолу, с филигранной серебряной цепью на шее, Роман походил скорее на римского патриция времен упадка империи, чем на наемного мастера фехтования, вчерашнего раба.

Внезапно на его плечи легла тонкая холеная рука. Обернувшись, разведчик увидел худощавого мужчину лет пятидесяти, облаченного в богатую тогу с множеством изящных складок; лицо у него было значительным и властным.

- Роман из Альбы, наперсник нашего принца? - спросил незнакомец.

Наперсник? Недурной титул! Роман, польщенный, поклонился. Мужчина, не отнимая руки, внимательно разглядывал его.

- Принц сделал неплохой выбор, - заметил он, наконец. - Красота, сила и великолепное тело... достойный образец для подражания, который днем и ночью находится перед глазами юноши, нашего будущего властителя.

Роман отметил, что похвала сформулирована почти в тех же выражениях, как это недавно сделал сам принц. Правда, ему осталось неясно, причем тут ночи - ведь он даже не стоял на страже у дверей своего повелителя. Снова поклонившись, он заметил:

- Сын Сата пока удостаивает меня только вечерними беседами.

- Вот как? - казалось, это слегка удивило незнакомца. Плавным жестом он предложил Роману продолжить моцион, и они, обогнув беседку, неторопливо двинулись по аллее под сенью цветущих апельсиновых деревьев. - Однако, заметил вельможа, - я полагаю, у тебя все впереди.

Роман поклонился в третий раз. Спутник несомненно принадлежал к числу местной элиты и мог оказаться источником любопытной информации.

- Могу я узнать имя достопочтенного? - спросил он, стараясь приноровиться к неспешным шагам незнакомца.

- Можешь, - мужчина в тоге милостиво кивнул. - Зирипод, недостойный слуга великого царя, уста десницы Сата.

- О! - Роман восхищенно закатил глаза. - Я уже слышан о мудрости первого советника, опоры престола!

- Желает ли ты приобщиться к этой мудрости, путник из далеких краев?

- Безусловно!

- Ну что ж... Ты знаешь, где мои покои?

- В северном крыле дворца, сиятельный Зирипод?

- Именно там, именно там... Ты можешь посетить меня после беседы с принцем в любой вечер.

Они церемонно раскланялись, и вельможа неторопливо продолжил путь к Пактадиону, Роман некоторое время глядел ему вслед, пытаясь сообразить, кого послала ему судьба - друга, союзника или врага. Цель и смысл полученного приглашения оставались ему непонятными, и он решил не спешить с визитом

Вечером Роман сидел в кабинете принца, смежном с его опочивальней. Тархион на этот раз был неотразим. Зеленоватый полупрозрачный хитон мягко облегал стройное молодое тело, кудри пышной волной падали на плечи, глаза сияли столь же ярко, как аметистовые и сапфировые перстни на пальцах; благовониями от юноши несло за пять шагов. Возможно, у него свидание с девушкой, подумал разведчик, пригубив сладкое вино из хрустального фиала. Он не подсматривал за тем, кто входит к принцу в поздний час, однако за немногие дни, проведенные во дворце, пока не заметил, чтобы юный Тархион питал сердечную склонность к

какой-нибудь особе противоположного пола. Это казалось странным вдвойне: красивый юноша в таком возрасте был просто обязан интересоваться девушками - тем более, что полдюжины красоток каждую ночь несли караул у его дверей. Возможно, существовал тайный ход в его покои, которым пользовались женщины? Например, рабыни... Среди них было много хороших, и Роман, отчаявшись сломить неприступность амазонок, уже не раз обращал взоры в сторону их служанок.

В их предыдущие встречи принц расспрашивал об Альбе, о предполагаемой родине странника, расположенной на северо-западе материка. Про те отдаленные места в Меоте знали немного, и Роман живописал зимние снега, льды, сковывавшие реки и озера, охоту на волков, походы на дикий север и войны с отважными горцами, сильно напоминая в его повествованиях шотландцев Вальтера Скотта. Он говорил о том, что, по его мнению, могло бы вызвать интерес у неглупого молодого человека, романтического и склонного к приключениям. Тархион слушал внимательно, однако Роману казалось, что наибольший интерес вызывали не его истории, а он сам.

Опустившись в мягкое кресло, принц устремил мечтательный взгляд в окно, в парк, над которым уже сгущались сумерки.

- Успел ли ты осмотреть город и дворец, Роман?

Разведчик покачал головой.

- И город, и дворец очень велики, мой господин. Понадобится месяц, чтобы пройти по каждой улице и заглянуть в каждую комнату.

- Значит, ты решил прервать свое путешествие?

- На то - твоя воля и воля твоего отца, великого царя. - Роман помолчал. - Я ведь даже не знаю, считают ли меня свободным человеком или пленником...

- В тот момент, когда ты вышел из ворот эстарда, ты стал свободным. Мы обращаем в рабство северных варваров, фраков, гермов и других, но ты не варвар. Ты доказал это, Роман. Ты волен уйти. Хотя... - мечтательный взгляд принца переместился на разведчика, - мне было бы горько расстаться с тобой так скоро.

- Я в полном распоряжении сиятельного принца, - Роман склонил голову.

На губах Тархиона появилась нежная улыбка; казалось, он испытывает нерешительность и ждет, чтобы гость первым проявил инициативу. Свидание с девушкой, не иначе, решил Роман. И, возможно, первое; это было бы самым правдоподобным объяснением. Паренек нуждается в совете опытного мужчины, в тактичном наставлении, как себя вести и что делать. Что ж, во всей Меоте он не сумел, бы найти лучшего наставника! Вернее - наперсника, как выразился сиятельный Зирипод.

Придя к такому мнению, разведчик заговорил. Он не пытался давать советов по технике дела или играть роль многоопытного мужа, поучающего юнца; он просто рассказывал об эпизодах из своей богатой практики, упирая на то, что женщины, в особенности - молоденькие девушки, существа нежные и совершенно отличные от мужчин. Не стоит торопиться, говорил он, никогда не стоит торопиться; чем дольше идет игра, тем сладостней победа. Чувства мужчины - пламя в кузнечном горне; ощущения женщины - постепенно разгорающийся костер. И надо знать, когда пришла пора подбросить в него полешко-другое. Ласка и нежность разжигают страсть, не надо скупиться на них, ибо отданное вернется сторицей, и момент наивысшего

экстаза вознаградит за все усилия. Об этом надо помнить всегда - и не торопиться, не торопиться!

Видимо, он угадал причину тархионовых затруднений; юный принц слушал его, затаив дыхание. Когда Роман закончил, он кивнул головой и повторил, как послушный ученик:

- Не торопиться... Да, ты прав, пылкость страсти не заменит прелести игры... - Он поднял на разведчика затуманенные глаза. - Я не все понимаю в рассказанном тобой. Здесь иная страна, иные обычаи... Но ты прав в одном не стоит торопиться.

Они расстались, и Роман отправился к старику Лартаку, с которым любил поболтать перед сном. Он надеялся, что его советы не заставят принца отложить свидание с возлюбленной; не стоит спешить в постели, но если уж женщина изъявила желание в нее лечь, то надо поскорее застелить свежие простыни.

Лартак, на правах философа и звездочета, обитал в южной башенке Голубого Дворца, занимая три круглые комнаты на трех этажах, соединенные спиральными лесенками. В нижней располагались два дюжих раба, служивших старику верой и правдой и помогавших в его ученых занятиях; в средней жил сам мудрец; верхнюю он приспособил под лабораторию и библиотеку. Там Роман и нашел его - в окружении зрительных труб, толстых фолиантов и целой батареи стеклянных сосудов и реторт.

Старец пускал воздушные шары; два уже болтались у потолка его лаборатории, и сейчас он наполнял теплым воздухом третий, используя для этого довольно сложный бронзовый агрегат и жаровню.

- Приветствую тебя, сын мой, - Лартак обратил к гостю оживленное раскрасневшееся лицо. - Я ждал тебя, надеясь обсудить один вопрос.

Роман также надеялся обсудить один вопрос, но желания мудреца и наставника особы царской крови обладали, без сомнения, наивысшим приоритетом. Он поклонился, всем своим видом демонстрируя почтение и внимание.

- Скажи, пробовал ли кто-нибудь в твоей далекой стране подняться в воздух? - Лартак ловко перетянул бечевой горлышко шара, выпустил его из рук, и тот плавит), взмыл к - потолку. Роман пригляделся. Эти баллоны были тщательно склеены из какой-то полупрозрачной пленки, напоминавшей рыбий пузырь.

- Ты имеешь в виду, достопочтенный, не делают ли у нас таких же шаров, наполненных теплым воздухом? - разведчик ткнул пальцем вверх. - Настолько больших, что человек может взлететь с их помощью?

Кивнув, Лартак перевернул песочные часы и поставил их на стол рядом с еще двумя такими же примитивными хронометрами.

- Видишь, я измеряю время, которое каждый из шаров будет находиться у потолка... Но воздух в них остывает слишком быстро.

- Да, весьма ненадежный и рискованный способ полета, - согласился Роман. - Но можно предложить другую конструкцию. - Он задумался, соображая, как понятней описать старику планер.

- Какую же? нетерпеливо спросил Лартак

- Нечто вроде искусственной птицы с большими крыльями, которая парит в воздушных потоках и движется вместе с ними. Но для ее постройки нужен очень прочный и легкий материал... И еще чтобы забросить ее в воздух, требуется сильный начальный толчок... что-то вроде огромной катапульты.

Седые брови старика приподнялись, глаза весело блеснули.

Я всегда полагал, что умные люди, сколь далеко они не жили бы друг от друга, придут к одним и тем же умным мыслям... И я вижу, что был прав! - он поднял лицо кверху, разглядывая свои шары. - У нас растет дерево грал, с длинными прямыми ветвями, на диво гибкими и прочными. И есть вот эта ткань, - Лартак показал на шары, мирно покачивающиеся у потолка. - Такой материал извлекают из морских рыб определенной породы, и наши мастера умеют склеивать маленькие кусочки в целые полотнища и пропитывать их лаком. Так что построить большую и легкую деревянную птицу с крыльями, как у орла или чайки, сравнительно несложно. Однако, - он важно поднял палец, - это не решает всех проблем.

Роман сочувственно кивнул; с теми средствами, что были в распоряжении меотского мудреца, аэронавтика представлялась совсем не простым делом.

- Ты говорил о птице, парящей в воздушном потоке... Так вот, надо ведать, куда этот поток способен унести ее, иначе наша деревянная птица может залететь столь далеко в море или в горы, что мы, ее всадники погибнем. Для того и предназначены мои шары, - Лартак снова посмотрел вверх. - Я заполняю их теплым воздухом, отпускаю и смотрю, куда они полетят... И знаешь, сын мой, что я обнаружил?

Роман покачал головой, с интересом прислушиваясь к объяснениям старика. Этот Лартак был местным Галилеем, не иначе!

- В это время года над Пенным морем дуют переменчивые ветры - то от нас к Райне, то от Райны к нашим берегам, а иногда с севера и со стороны южного материка. Но там, высоко в небе, над облаками, - мудрец направил палец к потолку, существует постоянное воздушное течение с запада на восток И быстрое, очень быстрое! Все мои шары, которые поднимались хотя бы на два фарсата, уносило в Райну!

Да, старику не откажешь ни в уме, ни в наблюдательности, подумал разведчик. Сейчас он не удивился, вытащи Лартак из-под полы своего просторного хитона модель "Боинга" или "Каравеллы"

- Однако мало подняться вверх и найти нужный поток, - продолжал ученый старец, напоминаясь теперь гостю скорее Максимова, чем генерала. - Надо еще выйти из воздушного течения, погасить скорость и приземлиться иначе все наши труды не будут стоить черепка от разбитого глиняного сосуда! И вот тут, - он с огорчением вздохнул, - мне пока не удалось придумать ничего подходящего.

- Досточтимый, - произнес Роман, живая птица умеет замедлять полет с помощью перьев на концах крыл, вот так, - он пошевелил ладонями, поясняя свою мысль. - И если сделать некие устройства на прочных тягах, чтобы ими можно было управлять... - тут разведчик пустился в объяснения, сделав вид, что идея насчет закрылок и элеронов сию минуту пришла ему в голову. Эти вещи он представлял довольно хорошо, так как основы планеризма - как и прыжки с парашютом - входили в обязательную подготовку агента его класса.

Лартак слушал со все возрастающим вниманием.

- Великолепно, сын мой! - воскликнул он наконец. - Не первый раз я убеждаюсь, что ты не только воин и странник, но и весьма, весьма ученый человек! Пожалуй, через декаду я покажу тебе свою птицу из гралового дерева - и как раз с такими крыльями, как ты придумал!

Склонив голову, Роман с улыбкой развел руками

- Если мои скромные познания принесли тебе пользу, мудрейший, могу ли я рассчитывать на маленькую компенсацию?

- И еще какую! - с энтузиазмом заявил Лартак, доставая с полки объемистый кувшин и две чаши

- Твое вино великолепно, отец мой, и я не собираюсь от него отказываться, но мне нужно кое-что другое.

- Да?

- Я хотел бы получить в услужение раба... лучше даже рабыню.

Забулькало вино, багряной струей хлынув в фиалы.

- Так в чем проблема? Конечно, тебе нужны свои слуги... - Лартак отпил и одобрительно причмокнул. - Я скажу Харатту... это управляющий принца... - бульк-бульк-бульк... у тебя будет богатый выбор...

Роман тоже пригубил вино, которое и в самом деле оказалось отменным.

- Видишь ли, отец мой, я уже выбрал. В эстраде Шод есть одна девушка.

- Как ее имя? Рабы, которые находятся в эстардах, принадлежат государству, а значит - нашему великому царю и его сыну и наследнику. Ты получишь свою девушку. Ты еще не забыл ее кличку?

- Хмм... Ее зовут Фарра...

Брови Лартака удивленно взлетели вверх.

- Но это, же не варварское имя, сын мой! Это...

- Да, она меотка. Очень приятная девушка! Не столь высокая и крепкая, как остальные ваши воительницы. И здесь. - Роман коснулся виска, - у нее татуировка. Трилистник.

- Трилистник? Вот такой? - Палец Лартака быстро очертил в воздухе знакомый контур, и разведчик кивнул. - Трилистник... Значит, она преступница... Боюсь, это невозможно, Рома, совсем невозможно, старик печально покачал головой.

- Не представляю, какое преступление могла совершить такая милая малышка, - разведчик решил проявить настойчивость. Идея с закрылками стоила того!

- Видишь ли, - Лартак положил руку ему на плечо, - Меот - особая страна, древняя, живущая по своим законам... Возможно над тем, что считается у нас преступлением, в твоих краях только бы посмеялись. Но Фарре, за которую ты просишь, от этого не легче! - он сделал паузу, затем промолвил: - Я постараюсь объяснить тебе, а ты постарайся понять.

Старик опустился в кресло, показав Роману на резную скамью у окна, и, покачивая в ладонях фиал, заговорил:

- Тебе, вероятно, уже бросилось в глаза, сын мой, что женщин в нашей стране гораздо больше, чем мужчин... я имею в виду свободнорожденных... Разведчик кивнул; этот факт не нуждался в комментариях. - Так вот, знай, что на каждого мальчика, появившегося на свет в Меоте, приходится десять девочек... десять, или даже больше! А посему, рождение мужчины слишком важное дело, которое нельзя доверить слепому случаю.

Большинство наших женщин крупные, сильные, и лоно их способно произвести только девочек. Но есть и иные... как раз похожие на эту твою Фарру... У них более хрупкое сложение, светлые волосы и, обычно, зеленоватые глаза. Иногда серые или голубые... Таких тщательно выискивают и отбирают с раннего детства.

Роман снова кивнул.

- Да, у Фарры глаза похожи на море в знойный полдень.

- Значит, она археода. Это особая каста, Роман, очень почитаемая... Археоды - Рождающие мужчин. Понимаешь, девочек у них не бывает. То есть, случается и такое, но крайне редко.

- Удивительные вещи ты рассказываешь, отец мой! - Роман и в самом деле был поражен. - Я никогда не встречал народа, способного заранее предсказать, какие женщины принесут девочек, а какие парнишек! Возможно ли это?

- Меоты - необычный народ... мы многим отличаемся от соседей, Лартак удрученно покачал головой. - Видишь ли, мы - древнее племя, замкнутое в круге вековых традиций, обитающее на недоступном для вражеских вторжений полуострове. Последнее всегда считалось благом, в чем я не уверен... Если бы мы смешались с другими людьми, даже покорились им... Старец оборвал фразу, и глаза его сделались тоскливыми; от возбуждения, с которым он толковал о полетах на древней птице, не осталось и следа. Однако Сат-Прародитель заповедал хранить чистоту меотской крови и не смешивать ее с варварской - за что мы теперь, похоже, и расплачиваемся. - Лартак плеснул в чашу вина, выпил. - Значит, эта твоя Фарра - археода. И она родила девочку, за что ее заклемили и сослали до конца жизни в эстард... Самое страшное преступление для члена такой уважаемой касты, сын мой. Страшнее убийства!

- Преступление? - возмущенный Роман привстал со скамьи. - Но пол младенца - дело случая! В чем она виновата?

- Она не выполнила свой долг, - мудрец пожевал губами и задумчиво произнес. - Да, случай, случай... Мы с тобой, возможно, согласились бы с этим. Но власти, жрецы, народ и традиция считают иначе. Археода, приносящая девочку, проклята Сатом-Прародителем, и ей нет места среди свободных меотов! - он покачал головой. - Боюсь, сын мой, мы немного можем тут сделать... Разве что послать в эстард Шод слова утешения.

- Слова утешения... - задумчиво повторил Роман. - Не слишком много! - Он сделал паузу, потом, кивнув головой, закончил: - Ладно! Придет день, и пошлю туда что-нибудь более существенное!

- Хотелось бы верить в это... - старец вздохнул. - А теперь, сын мой, не повторишь ли ты мне описание машины, которую движет пар? И еще ты обещал рассказать, как сосуды, наполненные щелочью и кислотой, рожают удивительную силу, что течет по медным проволокам и может дарить свет и тепло...

<http://tl.rulate.ru/book/22670/478875>